

И убаюкан — горе мне! —
Я был на тихом лоне,
И сон последний снился мне
На диком склоне.

Джон Китс

Объект № 1

Max1*1: Есть способ

Arrat: Какой? Они отстреливают даже нанокоптеры за километр от башни. Любовниц он меняет постоянно, и они ничего не знают о нем.

Max1*1: Я теперь знаю кое-что. И это поможет нам его достать.

Arrat: ???

Arrat: Сказал А, говори Б.

Arrat: Я тебя найду, обещаю. Я тебя просто с землей сровняю, сталкер херов

Max1*1: Не психуй

Arrat: Что ты знаешь?

Max1*1: То, о чем ему сообщат только минут через 15. Но я сделаю все без вас. Если получится, о результатах ты узнаешь из новостей.

Arrat: Что ты несешь

Max1*1: Он не подпишет

Arrat: Ты ебанулся? Я знаю, у тебя с ним личные
счета, но это не тот уровень.

Ты даже подойти к нему не сможешь

Max1*1: *Вложение*

Arrat: Где ты это достал????

Max1*1: *Вложение удалено*

Max1*1: Неважно. Я сделаю все сам,
просто не мешайте

Arrat: Нет. Я тоже должен быть в деле.
Что ты за это хочешь?

Max1*1: Чистые документы,
чтобы после всего свалить за границу

Arrat: Будут

Arrat: Меня предупреждали, что ты не в себе,
но чтобы настолько

Max1*1: Смотри новости.

Arrat: Чел, ты реально без башни

Max1*1: *пользователь офлайн*

Двенадцать часов назад

Он открыл глаза в полной темноте. В первый момент он никогда не понимал, где находится,— в комнате, в подвале или в гробу: настолько густая тьма его окружала. Сна больше не было. Сон в последнее время вообще стал для него роскошью: тело как будто в знак протеста перестало повиноваться выверенному до минут расписанию, которому он следовал годами.

Он лежал и смотрел в невидимый потолок. В груди (или в голове?) словно тикал назойливый часовой механизм, отсчитывая секунды до того момента, когда Кристин отключит режим шторм по периметру гигантских, похожих на аквариум, апартаментов, и скажет: «Доброе утро, Игорь! Сегодня двадцать восьмое апреля, сейчас восемь утра. Погода в Москве плюс двенадцать, дождь, пасмурно».

— Доброе утро, Игорь! — Окна чуть слышно завибрировали, плавно размывая черноту и пропуская мутный свет снаружи.— Сегодня двадцать восьмое апреля, сейчас восемь утра. Погода в Москве плюс двенадцать, дождь, пасмурно.

Игорь проглотил что-то животнo-яростное, вздыбившееся изнутри.

«Дыши. Дыши. Сегодня двадцать восьмое. Сегодня много дел».

Гигантское пространство апартаментов на последнем этаже небоскреба заполнилось рассеянным светом, на части окон в хаотичном порядке начали транслироваться новости и входящие сообщения от его личных помощников.

Он отбросил одеяло и сел на кровати. К нему тут же подлетела стайка коптеров с камерами всевозможных форм и размеров и мерцающими красными огоньками записи.

Они окружили его, оставив лишь пространство для пары шагов, и нетерпеливо зажужжали.

— Все готово к эфиру,— сообщила Кристин.— Вывести на экран лайки, просмотры и окраску комментариев, как обычно?

— Угу,— угрюмо ответил Игорь и быстрым шагом пошел к ванной. Пошарив в серых пижамных штанах, он нащупал маленькую баночку с таблетками и сжал ее до боли в кулаке. Никто не знал о его секрете, кроме врача, который присылал эти таблетки, заказанные на чужое имя,— и Игорь платил ему столько, что врач поступил бы как круглый идиот, если бы выдал эту информацию хоть кому-нибудь.

На пороге ванной коптеры отстали, но некоторые из них поднялись чуть выше, чтобы потом с разных ракурсов запечатлеть выход своего героя, освеженного утренним душем.

Автоматическая дверь с тихим стуком закрылась и стала матовой. Игорь выдохнул, оперся о стену и обвел глазами ванную — свое любимое место в доме. На стенах беломраморного, холодного пространства в хаотичном порядке висели картины, похожие то ли на причудливые граффити, то ли на беспорядочные мазки. Все полотна выглядели по-разному, но изображали одно и то же: стоящую спиной к зрителю светловолосую девочку, которая держала в руке зажженную спичку.

В душе зашумела вода: Кристин включала ее каждое утро, всегда одной и той же температуры — тридцать семь градусов тепла.

Игорь сглотнул и с трудом заставил себя подойти к зеркалу.

«Соберись, тряпка».

Худой шатен с той стороны нервно уставился на него илистыми, болотного цвета глазами, уходящими в темень.

«Хватит стоять».

Но существо из зеркала осталось на месте: звенящее, как стекло от удара, покрытое едва заметными трещинами,

с гротескно прямой, театральной осанкой. Оно не могло надеть на себя привычную улыбку сытого хищника — улыбку для камер, от которой скулы сводило судорогой.

«Больной ублюдою».

Игорь резко отвернулся, сбросил одежду на пол и залез в душевую кабину, изо всех сил сжимая в кулаке баночку с таблетками, чтобы даже случайный наблюдатель ничего не заметил.

Когда стекло запотело, он проглотил таблетку, запив ее пригоршней противной теплой воды из-под душа, оперся о стену и закрыл глаза. Вода стекала по жилистому телу, таблетка действовала, и тяжеленный топор в центре груди потихоньку рассасывался. Минут через пятнадцать от топора остался лишь небольшой нож, и Игорь с облегчением вышел из кабинки.

Кристин открыла для него длинную секцию шкафов, тоже отделанных белым мрамором: в начале рядами висели одинаковые черные полотенца, дальше — все необходимые детали гардероба ровно в той последовательности, которую использовал он каждый день, чтобы одеться.

Когда Игорь дошел до конца ряда, ему оставалось только застегнуть пуговицу на рукаве рубашки.

Он снова оказался напротив зеркала.

«Другое дело».

Человек с той стороны широко улыбался и сверкал ослепительными зубами. Железобетонная бодрящая сила прямиком с вершины мира. Игорь лениво поправил галстук.

«Стилисты, наверное, озолотились на этом куске тряпки».

Развернувшись к выходу, он вдруг бросил короткий взгляд вверх.

Над дверным проемом на своем обычном месте висела похожая на десятки других вариаций миниатюра «Девочки со спичками». Длинные светлые волосы лежали

локонами на плечах, покрытых потрепанным платьем, спичка горела ровным масляным пламенем, неподвижным и плоским, словно зажатым страницами книги. Лица девочки не было видно.

Игорь набрал в грудь побольше воздуха и сделал шаг вперед. Двери раздвинулись, отдавая его на растерзание слепящим вспышкам камер дронов.

— Доброе утро всем! — Он улыбался шире, чем это было физически возможно.

«Скромнее надо быть».

Сто сорок пять лайков.

«Какой же вы стильный!»

Двести восемьдесят лайков.

«Когда пенсии поднимать будем, Соколов? Мы на Урале уже заждались».

Четыреста пятьдесят лайков.

«И вам доброго утра, Игорь Александрович, Кисловодск с вами!»

Сто два лайка.

Часть панорамных окон превратилась в бесконечные ленты, пестрящие то гневными, то восторженными комментариями, лайками и ежесекундно растущим количеством просмотров из разных точек планеты. Они плавно распределялись на большой карте мира, окрашивая ее во все цвета радуги.

— Доброе утро, господин президент,— произнес вежливый автоматический голос Кристин из панорамных динамиков.— Озвучить ваши планы на сегодня?

Игорь кивнул:

— Да, пожалуйста.

Конференция

Двадцать восьмое и правда оказалось днем не из легких. Еще до обеда Соколов провел несколько изматывающих совещаний, но самого обеда так и не случилось, потому что в два часа он уже мчался на другой конец Москвы открывать Всероссийскую конференцию студентов по развитию нейросетей.

Университетский холл для выступлений гулко отзывался на каждый звук, как колокол. Огромный, неоновголубой и абсолютно пустой, если не считать стульев и пуфиков, разбросанных по мягкому белоснежному ковру. Полупрозрачные стены давили холодом. Студентов пока не пустили внутрь, и Игорь с интересом осматривал помещение: с последнего его визита здесь опять все поменялось.

— Экспресс-архитектура,— усмехнулся Рома Крестовский, двадцатичетырехлетний паблик-менеджер президента, который отвечал за тональность и сценарии всех его выступлений и стримов. Рыжая шевелюра Крестовского сегодня по-щегоольски лежала на боку, а веснушки на юном лице кричали о солнце, весеннем ветре и какой-нибудь глухой деревне в Тверской области.

— Да уж,— со смешанными чувствами отозвался Соколов.— В прошлом году было похоже на космический корабль, а сейчас... айсберг какой-то.

Часы на запястье Игоря засветились: «Рекрутов: „Все готово, можем начинать“».

Игорь посмотрел на Крестовского, и тот понял все без слов: стандартный протокол.

Через пятнадцать минут холл до отказа заполнился студентами. Они стояли вдоль стен, сидели на стульях

и полу, шептались и шуршали, а Соколов с удивлением втягивал носом давно забытый запах джинсовых курток, дешевых кеd Converse, попкорна, сигарет, рюкзаков и вписок — той далекой перевернутой жизни, в которой никто не следил за временем.

Когда вспышки камер перестали его слепить, в зале наконец наступила тишина.

— Что ж...— Игорь подошел к центру сцены — неровной и угловатой, бирюзовой, как лед в Патагонии.— Привет, Высшая школа экономики, программирования и робототехники.

В зале захлопали; студенты сворачивали приложения, видимые только им на тонких стеклах очков; полупрозрачные проекции парней и девушек — «аватары» — появлялись на пустых местах и начинали транслировать лайки и хлопки в воздух. Шустрили коптеры, снимая происходящее с разных ракурсов.

Соколов улыбнулся:

— Кто из вас знает, где я учился?

Позади него тут же стали появляться варианты ответов, которые складывались в трехмерные диаграммы и плавно вращались вокруг своей оси.

Президент обернулся и примирительно поднял руки:

— О'кей, о'кей, гуглить вы умеете!

Несколько человек засмеялись.

— Вы правы: я сменил три университета до того, как понял, чем на самом деле должен заниматься. Четвертый я закончил экстерном. Ваш.

Снова раздались аплодисменты, толпа оживилась и начала переговариваться.

— Но сегодня я пришел поговорить не о себе. Кому сейчас ответить на вопрос помогла нейронка?

Живые и виртуальные руки выросли в маленький лес, обозначая масштаб того, о чем говорил Соколов.

— Прекрасно. Теперь представьте: сорок пять лет назад, когда вас еще не было на свете, мы жили совсем в

другом мире. Погуглите про вирус, потому что именно он стал первым толчком. Вы его не застали, я тоже — но есть много хроник того времени. Поверьте, это было очень страшно. Горы трупов в моргах. Людей не успевали хоронить.

Десятки глаз следили за его движениями. Он медленно подошел к краю сцены и стал ходить туда-сюда. Тишина и звук его шагов наполняли зал, только попискивали коптеры.

— При чем тут нейронки, спросите вы? Многие тогда потеряли работу, целые профессии исчезли, потому что мы не могли выходить из дома. Но появились и новые. Нейросети развивались стремительно, потому что вирус вынудил людей переизобрести себя и свое место в мире, коммуникации стали почти полностью цифровыми. Чуть позже, после нескольких войн и кризисов, Россия наконец превратилась в то Открытое государство, где мы живем сейчас: безопасный Интернет, социальный рейтинг, беспрецедентные льготы для программистов и ученых. Умные камеры на улицах и в кабинетах чиновников с круглосуточным наблюдением — и потому радикальное снижение уровня преступности и коррупции. Кто знает, что случилось потом?

Девушка с синими волосами вытянула светящуюся пикселями руку вверх:

— Эвелина Мур придумала «Лилабо».

— Правильно,— одобрительно кивнул Соколов.— Эвелина Мур, британская школьница из гетто, в разгар эпидемии на своем домашнем компьютере научила нейросеть проявлять свободу воли.

Лайки и хлопки в воздух из разных точек зала посыпались особенно интенсивно.

— Это был поворотный момент. Революция. И сегодня, в две тысячи шестьдесят пятом, мы имеем дело с ее последствиями. Спорим, вы даже не замечаете, насколько глубоко нейронки проникли в вашу жизнь. Рас-

писание занятий? Составляет нейронка. Базовые науки и программирование? Преподают нейронки. Карьерный трек с учетом ваших способностей? Нейронка. Инвестиции? Нейронка рассчитает финансовую стратегию лучше вас. Подать в суд и выиграть иск? Запросто, а вы идите в бар с друзьями.

Студенты снова засмеялись.

— вспомните три своих последних разговора с кем-нибудь. Прямо сейчас. Сколько из них — с живыми людьми, а сколько — с вашими ассистентами?

Зал затих. Соколов ожидал этой пронзительной тишины и усмехнулся про себя.

— Можно сказать, что сейчас мы стоим на пороге слияния машины и личности. И кажется, что это сделает нас новым видом. Сверхчеловеком, если хотите.

Студенты зашумели, начали перешептываться.

— Давайте-давайте, шлите мне свои вопросы. Речь сегодня не самая интересная, но осталась ровно одна минута пятьдесят секунд. Наберитесь терпения.

За спиной президента материализовался красный таймер и начал отсчитывать секунды.

— Какой урок человечество извлекло из всего этого? Очень простой. Одна идея может изменить мир. И сегодня мы охотимся за идеями массово, добываем их, чтобы выжить,— так же, как когда-то мы добывали нефть. Уверен, вам прямо сейчас приходят офферы от компаний со всех концов планеты.

Студенты молчали. Это было правдой: назойливые хантеры преследовали их с момента поступления во ВШЭПР.

— Но я надеюсь,— он посмотрел в зал особенно пристально,— что вы все-таки предпочтете открытую Россию остальному миру и будете генерировать свои идеи здесь. Так или иначе...— Игорь выдохнул.— Знайте, что, какой бы волей ни обладали нейросети, без вас им все еще не справиться. И конференцию они вместо вас не

проведут — пока что.— Президент рассмеялся, и в этот момент его знаменитая улыбка как будто проникла каждому прямо в мозг, отпечатавшись на сетчатках всех, кто на него смотрел, затаив дыхание.— Где бы вы ни оказались, что бы вам ни предстояло сделать, помните, как и Эвелина Мур, что на пути к цели вы больше и круче любых обстоятельств, которые вас окружают. Вы умеете мечтать о лучшем будущем. Вы делаете это прямо сейчас. И в этом ваша сила, которой нет и никогда не будет у нейросетей.

Соколов виртуозно владел навыком нравиться тем, с кем он разговаривал. Студенты сидели не двигаясь, и вдруг на задних рядах медленно начали хлопать. После этого громыхнул аплодисментами весь зал. Президент довольно сощурился в горячие софиты и вспышки прильзвившихся коптеров.

Следующие десять минут Игорь по привычке отбивал вопросы разной степени смелости: все они ожидаемо копировали тысячи комментариев, которые оставляли люди каждый день под его стримами.

Те же шутки, те же узкие места, те же способы проверить его убеждения: он видел каждого из этих светлоголовых, одаренных, серьезных, смешливых, разбросанных по залу вчерашних подростков насквозь. И ему было невыносимо скучно. Но ни одним мускулом лица он этого не показал, и когда наконец десять минут истекли, Соколов повернулся и собрался спуститься со сцены.

— Игорь Александрович, можно? — Высокий студент в бежевой футболке поднялся с места: его рука взлетела вверх, как только Соколов занес ногу над ступенькой.

Президент обернулся и пересекся взглядом с говорившим. Длинная выгоревшая челка падала на стекла-хамелеоны в золотистой оправе. Соколов не видел глаз парня и насторожился: он любил смотреть в глаза и довольно успешно читал по ним мотивы собеседников. Понять, чего хочет этот персонаж, было невозможно.

— Да, конечно,— в ровном голосе Игоря ничто не выдавало беспокойства.

— Вы много говорите о свободе, об открытости цифрового мира — и упоминаете слияние человека и нейросети как закономерный процесс развития. Но что, если,— «хамелеоны» нагло блеснули в свете ламп,— человек становится цифровым не потому, что ему это зачем-то особенно надо? Мы все еще можем обходиться без нейросетей, а вот они без нас — никак. При этом вы — адепт теории слияния, которая не влечет за собой ничего, кроме еще более предметной и тотальной слежки, чем ведется за нами сейчас.

В зале начали переглядываться. Часы на руке Соколова ткнули его коротким:

«Остановить и вывести?»

Игорь проигнорировал автоответы «да/нет» и не выбрал ничего. Он вернул ногу на сцену и встал вполоборота к залу.

— Так в чем вопрос? — спокойно спросил Игорь.

— Закон номер сто сорок семь. Вы его подпишете? Если да, то это будет означать цифровой концлагерь для всех нас, с чтением мыслей и превентивными арестами. Можно будет считывать личную информацию людей без их согласия, любой техникой. И уголовные дела начнут заводить уже не за действия, а за мысли. Вы правда на это пойдете? Это и есть настоящая свобода в открытой России?

Ярость внутри Игоря всколыхнулась, а живот скрутило голодной болью: он только и думал о том, как покинет голубой зал и пойдет на показательной «студенческий» обед в столовую, где возьмет огромный бургер, салат и, конечно, колу.

«Дыши. Дыши. Не важно, откуда он знает о сто сорок седьмом. Делай вид, что ничего не случилось».

Соколов с пониманием улыбнулся:

— Что такое свобода, по-вашему?

Он на мгновение перехватил взгляд Крестовского, который беспокойно заерзал в первом ряду: Соколов